

Нильс Кристи ПРИЧИНЫ БОЛЬ

Роль наказания в
уголовной политике

Под общей редакцией профессора
доктора юридических наук Я. И. Гилинского

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 343.24
ББК 87.7
К82

*Издательство благодарит
NORLA (Norwegian Literature Abroad), Fritt Ord,
Центр содействия реформе уголовного правосудия
за содействие в издании книги*

Кристи Н.

К82 Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я. И. Гилинского; пер. с англ. В. М. Когана; Л. И. Альперн (пер. пред. и гл. 12) под ред. А. М. Яковлева; вступ. ст. А. М. Яковлева и В. М. Когана, пред. Ховарда Зера. — СПб. : Алетейя, 2011. — 164 с.

ISBN 978-5-91419-457-1

Норвежский криминолог Нильс Кристи отслеживает изменения уголовной политики Запада, уделяя особое внимание США. Книга дает широкий обзор всевозможных допущений, которые движут — иногда оставаясь в тени — уголовной политикой. Она открывает, что основой западной концепции правосудия является причинение боли. Кристи показывает, что хотя наши предпочтения циркулируют между, казалось бы, противоположными философиями, в любом из них под справедливостью понимается умышленное причинение боли тому, кто причинил ее нам. Кристи исследует условия, необходимые для того, чтобы уменьшить нашу зависимость от боли. Он не утопист; мы вряд ли сможем отказаться от правосудия, основанного на боли, но можем минимизировать ее в возможной степени.

**УДК 343.24
ББК 87.7**

ISBN 978-5-91419-457-1

9 785914 194571

- © Universitetsforlaget, 1981
- © Hovard Zehr, 2007
- © В. М. Коган, перевод на русский язык, 1984
- © А. М. Яковлев, В. М. Коган, вступительная статья, 1984
- © Л. И. Альперн, перевод предисловия и гл. 12, 2011
- © Издательство университета Осло, 2011
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
- © «Алетейя. Историческая книга», 2011

Предисловие ко второму изданию на английском языке

Первое английское издание книги «Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике», вышедшей в 1982 году, было невозможно найти в США; она сразу стала дефицитом, едва появилась в продаже. Тем не менее, она успела повлиять на многих.

Мой собственный экземпляр бесследно исчез много лет назад, но недавно был возвращен внезапно покаявшимся бывшим студентом. Мне приятно снова поставить эту книгу на полку. Я дорожу ею — она стала для меня открытием и оказала влияние на мою жизнь.

Норвежский криминолог Нильс Кристи отслеживает изменения уголовной политики Запада, уделяя особое внимание США. Книга «Причиняя боль» дает широкий обзор всевозможных допущений и философий, которые движут — иногда оставаясь при этом в тени — уголовной политикой. Она открывает, что основой западной концепции правосудия является причинение боли. Кристи показывает, что хотя наши предпочтения циркулируют между, казалось бы, противоположными философиейми, в любом из них под справедливостью понимается умышленное причинение боли тому, кто причинил ее нам. Кристи исследует условия, необходимые для того, чтобы уменьшить нашу зависимость от боли. Он не утопист; мы вряд ли сможем отказаться от правосудия, основанного на боли, но можем минимизировать ее в возможной степени. В моей книге «Меняя линзы: новый взгляд на преступление и наказание», я поднимаю эту тему в споре о восстановительном правосудии, пользу которую вижу хотя бы в том, что, пробуждая нашу совесть, оно помогает относиться к наказанию как к последнему средству.

Но для меня значение книги «Причиняя боль» далеко выходит за рамки внесенного ею вклада в мои размышления о восстановительном правосудии.

В начале 80-х, когда я еще только вынашивал «Меняя линзы», мы с товарищем предприняли творческую поездку на озеро Мичиган. Помню, как прогуливаясь у озера, я мечтал написать книгу, передающую дух книги Кристи — бросающей вызов читателю, пробуждающей желание пересмотреть свои взгляды, как это случилось со мной.

Открытия Кристи не потеряли своей актуальности с момента первого издания этой книги. Я счастлив, что она издается вновь.

*Ховард Зер,
Окленд, Новая Зеландия,
2007*

Вступительная статья

Предлагаемая читателю книга принадлежит перу норвежского криминолога Н. Кристи — профессора Университета в Осло. С целью наиболее полного отражения творчества этого видного ученого в настоящее издание наряду с основной работой автора «Причиняя боль», вышедшей в свет одновременно на норвежском и английском языках, включены его статья «Суровость наказания в историческом аспекте», его доклад на Международном криминологическом конгрессе в Белграде — «Стереотип делинквента и стигматизация», а также доклад на Симпозиуме по проблемам криминологии и уголовной политики в Москве «Социальный контроль и община».

Несмотря на сравнительно небольшой объем, книга содержит яркий и оригинальный анализ принципиально важных для уголовного права и криминологии проблем. Это прежде всего вопросы о том, как следует реагировать на преступность, в чем суть господствующих на Западе теорий наказания, каковы причины кризиса буржуазной уголовной юстиции и каковы пути его преодоления.

Взгляды автора на эти проблемы представляют большой интерес. Кристи не примыкает ни к одному из двух основных направлений западной криминологической мысли — ни к сторонникам теории «некарательного воздействия» на преступника (treatment), ни к проповедникам теории «удерживающего воздействия» уголовного закона (deterrence). Он критикует оба эти направления, и очень часто его критика попадает в цель.

Говоря о некарательном воздействии, Н. Кристи правильно подчеркивает, что вызванное к жизни, казалось бы, благими намерениями и проводимое под видом гуманизации уголовного права, оно на практике означает разрыв с законностью, дает простор для усмотрения правоприменительных органов и отдельных лиц, далеко не свободных от классовых, национальных и иных пристрастий, что в конечном счете фактически означает ухудшение положения осужденных. Говоря о воздаянии, строго соответствующем тяжести совершенного преступления и тем самым призванном оказывать удерживающее воздействие, он справедливо отмечает абстрактный, механистический характер такого подхода, несоразмерный конкретным конфликтам и нуждам живых людей. В этом случае речь идет о том, чтобы положить конец произволу, вытекающему из замены

наказания мерами некарательного воздействия. Но этот произвол преодолевается созданием такой юридической системы, где зло, причиняемое преступлением, и зло, воздаваемое наказанием, сведены в единый «прейскурант», с которым работать лучше не живому, судье, а компьютеру. Закон рассматривает преступление наравне с любой другой деятельностью в условиях рыночной экономики: она приносит определенную прибыль и связана с определенными издержками. Устанавливая определенные наказания за определенные преступления, закон говорит, во что обойдется чужая жизнь, чужая неприкосновенность, чужое имущество.

Задачи, которые общество ставит перед уголовным законом, тесно связаны с господствующим в этом обществе мировоззрением. Один из основных постулатов философии эпохи Просвещения, эпохи прогрессивного развития капитализма, — постулат свободной воли — ограничивал возможности уголовного закона влиять на поведение людей. Другой, не менее важной чертой этой философии было стремление познать и повлиять на природу, общество, на самого человека. Защищенному постулату свободной воли человеку до поры до времени угрожало лишь вторжение в сферу его сознания, имевшее целью путем причинения ему пропорциональных содеянному страданий создать противовес преступным замыслам, то есть направить его волю в надлежащее русло.

С развитием и утверждением наук о самом человеке — биологии, социологии, антропологии, психологии и психиатрии — общественные науки заимствовали у них постулат об одностороннем воздействии познающего субъекта на познаваемый объект — теперь уже «лишенный» свободной воли — с целью объяснения, предсказания реакций и регулирования его в таких масштабах, что воздействие перерастает в манипулирование. Отношение к человеку как к объекту «естественнонаучного» познания, перенесенное в сферу борьбы с преступностью, позволило поставить перед уголовным правом новую задачу — познать личность преступника, выявить его «преступные свойства» и «отрегулировать» его поведение. В этом суть позитивизма в криминологии. Проблема преступности, имеющая социально-классовый и в то же время этический характер, была соотнесена, таким образом, с естественными, даже биологическими, процессами. Однако, как заметил Альберт Швейцер, «этика перестает быть этикой по мере сближения ее с естественными процессами. Это сближение губительно для нее не только тогда, когда этика выводится из натурфилософии, но и тогда,

когда она обосновывается биологией»¹. Последствия такого подхода для буржуазного уголовного права известны. Уголовная юстиция, отказываясь от этически обоснованного ограничения сферы своего реагирования лишь пределами объективного деяния и варьируя меры наказания в соответствии с предполагаемыми опасными свойствами личности преступника, в итоге вызвала к жизни теорию и практику некарательного воздействия.

Подводя итог многолетнему применению мер некарательного воздействия, американский Комитет по изучению тюремного заключения в своем докладе «Осуществление правосудия» пришел к следующему выводу: «Реабилитационная модель, несмотря на то что она ориентирована на понимание заключенного, и заботу о нем, оказалась более жестокой и карательной, чем откровенно карательная модель... Под прикрытием доброжелательства расцвело лицемерие и каждый новый акт манипулирования заключенными неизбежно изображается как благое дело. Приговаривать людей, виновных в одинаковых преступлениях, к различным мерам воздействия во имя их реабилитации, наказывать не за деяние, а в связи с условиями его совершения — значит нарушать фундаментальные принципы равенства и справедливости»².

Очевидная неэффективность и столь же очевидная негуманность некарательного воздействия, убедительная критика соответствующего законодательства и его отмена в ряде стран привели Н. Кристи к выводу о том, что в настоящее время теория некарательного воздействия мертва.

Однако Н. Кристи не спешит безоговорочно признать правильным наблюдающийся в теории и практике борьбы с преступностью возврат к концепции общего предупреждения, то есть «сдерживания путем устрашения». Признавая, что наказание играет сдерживающую роль, что без него обществу грозит «хаос», он утверждает, что попытка увязать степень суровости уголовного наказания с уровнем преступности совершенно несостоятельна, так как статистика ясно показывает отсутствие какой бы то ни было связи между тяжестью и количеством преступлений, с одной стороны, и тяжестью наказаний — с другой.

Мысль Н. Кристи о том, что суровость наказания в буржуазном государстве, легко переходящая в жестокость, является самостоятельной переменной и не находится в прямой и однозначной связи

¹ Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. С. 230.

² Von Hirsh. Doing Justice. The Choice of Punishments. N.-Y., 1976. P. XXXVIII.

с величиной и характером преступности, имеет большое значение, так как привлекает внимание общества к его собственному нравственному сознанию. Буржуазное общество не только порождает преступления, требующие защитной реакции, оно порождает также и саму эту реакцию, которая может быть и строже, и мягче. Если ответ на преступление, говорит Н. Кристи, зависит не столько от самого преступления, сколько от общества, то пусть ответ будет лучше не суровым, а мягким. Н. Кристи выступает здесь как последователь великих гуманистов прошлого. В безнравственной атмосфере эксплуататорского общества он выступает в защиту простых человеческих ценностей. Искренний гуманизм, пронизывающий книгу Н. Кристи, стремление ограничить применение уголовного наказания, указать на пределы боли, страданий, причиняемых наказанием, не может не вызвать сочувствия и понимания. Абстрактный же характер этого гуманизма заставляет задуматься, однако, прежде всего о тех реальных социально-экономических условиях, в рамках которых функционирует конкретная уголовно-правовая система. Подлинная гуманизация уголовно-правового воздействия, за которую ратует автор, как и воплощение других гуманных идей, под силу только обществу, свободному от эксплуатации и всех форм социального неравенства.

Какова же программа самого Н. Кристи? Прежде всего, полагает он, следует осознать суть любого уголовного наказания, которое есть не что иное, как причинение «боли», страданий (ограничений, лишений). Осознание этой неотъемлемой характеристики наказания, не скрываемой более под вывеской некарательного воздействия, позволяет ставить и решать вопрос о пределах причинения этой боли — о границах, последствиях и целях наказания. Н. Кристи пугает призрак уголовной системы, жестко запрограммированной на механическое применение заранее фиксированных наказаний, — системы, в которой нет места ни гуманизму, ни милосердию, ни учету свойств личности преступника, условий его жизни, системы, которая не будет принимать во внимание различия между бедным вором и богатым, человеком острого ума и тупоумом, хорошо образованным и не имеющим никакого образования. Превращая боль в неизбежное последствие преступления, такая система сосредоточивает внимание не на социальной структуре общества, замечает Кристи, а на самом индивиде и тем самым закрывает дорогу для поиска иных, альтернативных, более человеческих форм реагирования на преступления.

Суть концепции Н. Кристи в следующих словах: «Мы можем создавать преступления созданием систем, которые требуют этого понятия. Мы можем ликвидировать преступления, создавая системы противоположного типа».

Каковы же эти системы, способные, по мысли автора, разрешать конфликты, не прибегая к причинению «боли», к уголовному наказанию? В этой связи он описывает стихийно возникающие в ряде западных стран самодеятельные общины, общности людей, организующих либо районы совместного проживания (Христиания — район Копенгагена), либо кооперативы типа фаланстеров (Твинд), либо общины людей с психическими или физическими недостатками (Видаросен). Видя в этих неформальных, стихийно возникающих самодеятельных группах и объединениях прообраз гуманной системы разрешения конфликтов без применения уголовного наказания, без причинения боли, Н. Кристи пытается выявить решающий фактор такой социальной «анестезии». Таким фактором для него является возникающая в этих группах и общинах новая, альтернативная система ценностных представлений.

При всем уважении к гуманистическим устремлениям Н. Кристи, здесь возникают, однако, серьезные сомнения. Может ли быть обеспечено устранение жесткой системы «преступление — наказание» за счет одних лишь перемен в системе взглядов, убеждений, представлений, верований? Мы оставляем пока в стороне и вопрос, насколько реальна надежда на то, что перечисленные неформальные объединения вообще способны изменить реальную структуру окружающего их общества и господствующую в нем идеологию.

Следует отметить, что Н. Кристи не ограничивается опытом Христиании, Твинда и Видаросена, понимая исключительный характер описанных объединений. Он пытается выйти за границы в том или ином смысле ущербных общностей на здоровую почву такого обычного, повседневного явления, как соседство, полагая, что именно на этой почве может постепенно возникнуть предлагаемая им «юстиция причастных» в противоположность действующим ныне формальным правовым структурам, отчужденным от нужд и интересов простого человека. Более того, Н. Кристи формулирует определенные требования, необходимые, по его мнению, для создания и функционирования именно такой юстиции. Читатель с интересом прочтет рассуждения автора о значении осведомленности людей друг о друге, равномерном распределении власти, уязвимости, взаимной зависимости, которые наряду с определенной системой

ценностных представлений нужны для того, чтобы осуществление правосудия как можно меньше и реже причиняло боль, не умножая страданий, уже созданных самим преступлением.

Н. Кристи прав, утверждая, что «преступление — это не “вещь”. Преступление — это понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях, когда это возможно и соответствует интересам одной или нескольких сторон».

Показывая историческую относительность понятия преступления, правильно отказываясь видеть в преступлении и личности преступника некую особую, специфически преступную суть, другой известный криминолог, голландский профессор Л. Хулсман, приходит к выводу, что «это закон говорит, где есть преступление, это закон создает “преступника”»¹.

Верно, что материальный факт, событие становится фактом социальным (в нашем случае — преступлением) в той мере и только тогда, в какой мере и когда он получает оценку своего социального значения и смысла со стороны социального целого (в нашем случае — со стороны государства в форме уголовно-правового определения деяния в качестве преступления). В этом (и только в этом) смысле «закон создает преступления». Однако из этой исходной посылки возможны два различных вывода. Первый вывод: если закон «творит» преступления, надо отказаться от уголовного закона вообще или перестроить его соответствующим образом и... «преступность исчезнет». Второй вывод: надо попытаться вскрыть предпосылки уголовного закона, основания уголовно-правового запрета, попытаться выявить и осознать те социальные структуры и процессы, которые с неизбежностью предопределяют возникновение тех или иных правовых категорий и институтов, и конструктивно на них воздействовать².

В первом случае сразу же становится очевидным, что придание самодовлеющего значения дефинициям уголовного закона (и соответствующим им стереотипам общественного сознания) ограничивает сферу социально-критического анализа. Во втором случае открывается возможность рассмотрения более глубоких, базисных явлений, ибо именно на этом уровне — уровне материальных (прежде всего производственных) отношений — во многом предreshается судьба правовых, общественных отношений, так же

¹ *Hullsman L. and Gelis J. Pienes Perdue. Paris, 1982. P. 68.*

² Подробнее см.: Основания уголовно-правового запрета / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М.: Наука, 1982.

как и формирующихся систем права, конкретных правовых институтов. «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»¹. К числу «остальных отношений» относятся и правовые явления и категории. Раз возникнув и утвердившись, подобные категории приобретают относительную самостоятельность. Правовые концепции (в том числе концепция преступности) воплощают в себе определенные господствующие взгляды и представления, связаны с определенным типом мышления, часто со стереотипными представлениями общественного сознания. Но действительно ли «ликвидация уголовной системы предполагает новое мышление»², то есть мышление, всего лишь отказывающееся видеть преступление там, где его усматривает в настоящее время система уголовной юстиции, либо, как пишет Н. Кристи, лишь новую систему взглядов, убеждений, ценностных представлений, возникающих на периферии господствующего строя и общества?

Уголовная юстиция — и в том числе концепция преступности, на которой уголовная юстиция основывается, — лишь часть общей социально-правовой структуры общества, причем определение преступного лишь тень, лишь негативное отражение господствующих ценностей, воплощаемых в позитивных нормах правомерного поведения. Одно неотделимо от другого. Понятие кражи неотделимо от понятия собственности. Форму собственности, как известно, определяют производственные отношения, отражающие в свою очередь общественное разделение труда. На базе этого последнего вырастают классы общества и его государство. Господствующие классы воплощают свои интересы в праве. Право содержит и понятие собственности, и понятие кражи. Эти понятия противоположны по смыслу и направленности, но тождественны по своему источнику — социальным противоречиям данного общества. Одно не может исчезнуть без исчезновения другого.

Насильственная преступность также не есть изолированный феномен, зависящий от дефиниции закона. Государство есть форма организации общества, основанная на необходимости — в условиях социальных противоречий — принуждения членов данного общества к должному поведению либо в интересах господству-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 43.

² Hullsman L. Op. cit. P. 104.

ющего класса (в условиях антагонистических формаций), либо в интересах большинства народа (при социализме). Право содержит и управомочие государства на «законное» насилие и определение «преступного» насилия. Эти понятия противоположны по смыслу и направленности, но тождественны по своему источнику — социальным противоречиям данного общества. Одно также не может исчезнуть без исчезновения другого, без базисных изменений в сфере общественных — прежде всего производственных — отношений. «Дифференциация поведения людей, выгодного для одних и невыгодного для других, признание одних форм его полезными, правомерными, законными, а других — вредными, неправомерными, противоправными, — пишет В.Н. Кудрявцев, — есть единый процесс, разные стороны которого отразились в возникновении как права, так и противоречащих ему форм поведения, включая преступность... Взаимосвязанные понятия правомерного и противоправного поведения отражают в конечном счете интересы класса, личности и социальных групп»¹.

Концепция государства всеобщего благоденствия, к терминологии которой часто, хотя и не без сарказма прибегает Н. Кристи, утверждает, что современное буржуазное государство перестало быть диктатурой эксплуататорских классов, превратилось в надклассовый орган, ставящий своей задачей рост материального благосостояния, уравнивание богатых и бедных. В этом плане хотелось бы выделить три положения. Во-первых, как писал К. Маркс, «повышение цены труда вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным»². Во-вторых, повышение цены труда отражается на благосостоянии трудящихся лишь в той мере, в какой им удастся в результате упорной борьбы вырвать у государства соответствующие социально-правовые гарантии. Число участников забастовок за последние годы непрерывно растет, достигая сотен миллионов человек. В-третьих, временное повышение материального уровня жизни трудящихся, оплаченное интенсификацией их собственного труда и завоеванное в забастовочной борьбе, сопровождается относительным ухудшением их материального положения. В.И. Ленин указывал, что при капитализме происходит «относительное

¹ Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 632.

обнищание рабочих, уменьшение их доли в общественном доходе. Сравнительная доля рабочих в быстро богатеем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее обогащаются миллионеры»¹. Приводимый Н. Кристи социологический материал, раскрывающий социально-политический контекст теории и практики уголовно-правового воздействия, убедительно подтверждает, что современное государство, претендующее на то, чтобы называться государством всеобщего благоденствия, на самом деле продолжает оставаться эксплуататорским государством, машиной для подавления одного класса другим.

«Существует нечто вроде селекции, которая приводит к тому, что наши тюрьмы наполнены бедняками...» — констатирует Н. Кристи. «Право собственности, — пишет он, — защищено лучше, чем право быть свободным». Автор книги подчеркивает, что общество благоденствия стремится снять с себя ответственность за существование преступности и переложить ее на отдельных лиц, для чего оно разработало и отладило специальный механизм для перевода «структурного неравенства в переживание личной несостоятельности и чувство вины». В своей критике социального неравенства в связи с деятельностью уголовной юстиции Н. Кристи не одинок. Американский социолог Дж. Ньюман пишет: «В настоящее время самое серьезное обвинение против системы уголовной юстиции Запада заключается в том, что она не обеспечивает равенства. Люди получают различные приговоры за совершение одинаковых преступлений, законы составлены и применяются таким образом, что они ведут к дискриминации бедных»². Дж. Рейман в своей книге об американской юстиции с характерным названием «Богатые становятся богаче, а бедные идут в тюрьму» приходит к выводу, что среди прочих видов зла «несправедливость, которая совершается в отношении наших близких во имя уголовной юстиции, является самым тяжким злом»³.

Понятия преступления, преступности связаны с господствующими в том или ином обществе идеями, с представлениями о том, что преступно и должно влечь за собой уголовное наказание, а что нет. Иными словами, концепция преступности — это объекти-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 222.

² Newman G. Khomeini and Criminal Justice: Notes on Crime and Culture // The Journal of Criminal Law and Criminology. 1982. V. 73. № 2. P. 580.

³ Reiman G. The Rich Get Richer and The Poor Get in Prison. N.-Y., 1979. P. VII.

вированный мир представлений. Придание социальным категориям (таким, как преступление и преступность) свойств, характерных для реальных вещей и предметов, овеществление этих, категорий обозначается в социологии термином «реификация» (от лат. *reus* — вещь).

Говоря о том, что преступление — это не вещь, а понятие, Н. Кристи вполне обоснованно критикует реификацию этого и других криминологических понятий. Но если он под «системой», определяющей понятие преступности, понимает лишь такие социальные структуры, как государство, право, в том числе и уголовное право, и полагает, что изменение в сфере этого «объективированного мира представлений» позволяет решить проблему преступности без перестройки материальных, базисных отношений, неизбежно лежащих в основе указанных социальных систем и структур (в том числе и феномена преступности), то в этом случае на смену опасности реификации идей, понятий и категорий — приходит опасность их деификации, то есть придание им роли самостоятельных творцов социальной действительности (от лат. *deus* — бог, творец).

Хотя Н. Кристи и видит эту опасность, он ее недооценивает.

«Неверно было бы думать, — пишет он, — что в основе этой книги лежит вера в то, что идеи могут изменить мир. Речь идет не об одних лишь идеях. Но идеи помогут изменить его, когда налицо другие условия». В их числе, по мысли Н. Кристи, так называемая «неофициальная экономика» — та работа, которой занимаются нелегально или полуполюгально безработные. Но способны ли подобные маргинальные виды труда перестроить самую основу господствующего способа производства? Если неофициальная экономика действительно будет развиваться, то можно с уверенностью предсказать, что по мере ее развития неизбежно вступят в действие решающие законы буржуазного общества, в рамках которого эта экономика существует, трансформируя ее в нераздельную часть господствующего способа производства.

Если же надежда на подобную перестройку социальных условий иллюзорна, тогда остается иллюзорная надежда на перестройку мира посредством перестройки идей, то есть их деификация. Имеется даже социологическая теория, согласно которой в основе социальной практики лежат так называемые конститутивные (образующие) значения, то есть господствующие взгляды и представления. «Под образующими значениями, — пишет английский социолог Б. Фэй, — я подразумеваю все те разделяемые людьми

представления и концепции, которые структурируют мир некоторым определенным способом (отсюда “значения”) и которые образуют логическую возможность существования определенной социальной практики, так как без этого такая практика не могла бы существовать (отсюда “образующие”)). И только потому, что люди разделяют некоторые базисные концепции, могут возникать определенные виды социальных действий. Социальная практика рынка, по мнению Фэя, может возникнуть только при наличии разделяемых людьми образующих значений, например таких, как концепция частной собственности или представление о том, что обмен товарами и услугами имеет целью «максимальное увеличение собственных ресурсов», то есть максимальную прибыль, и т. д.¹ Так деифицируются социально производные концепции, так в теоретическом мышлении возникает картина мира, поставленного на голову, где не базисные — экономические, производственные — отношения капитализма порождают рынок, частную собственность, конкуренцию, тенденцию к максимальной прибыли и соответственно концепции, отражающие и оправдывающие эти действия, а, напротив, сами эти концепции порождают указанные виды социальной практики.

В области криминологического знания деификация социально-культурных концепций (а понятия преступности и личности преступника относятся именно к их числу) ведет к их отрыву от материальных условий социального бытия, формой выражения которых эти концепции в итоге являются. Отождествляя понятие преступления с вещью, буржуазные криминологи реифицируют его, оставляют в стороне определяющие это понятие классово, идеологически predetermined взгляды, концепции, представления. И Н. Кристи правильно возражает против этого.

Отрывая социальный факт (понятие преступления) от его материальной основы, придавая понятиям, взглядам, концепциям самодовлеющее, решающее значение, Н. Кристи рискует впасть в другую крайность, то есть деифицировать понятие преступления.

В обоих случаях за пределами криминологического анализа остаются те материальные, прежде всего производственные, отношения, которые в конечном счете определяют социальные противоречия, которые проявляются и в действиях, посягающих на

¹ *Fay B. Social Theory and Political Practice. London, 1975. P. 76.*

господствующие интересы и ценности, и в правовых институтах, оценивающих такие деяния в качестве преступлений.

Перевод книги Н. Кристи на русский язык продолжает традицию ознакомления с работами скандинавских ученых, в ряду которых следует назвать книги И. Анденеса¹, У. Бондесона², Х. Тама³, вызвавших несомненный интерес научной общественности. Материал, содержащийся в книге Н. Кристи, независимо от того, хочет этого автор или нет, убедительно показывает, что буржуазное государство не только неизбежно порождает преступность, но столь же неизбежно, отдавая предпочтение то одной, то другой теории, заменяя классицизм позитивизмом, позитивизм неоклассицизмом, неоклассицизм неопозитивизмом, возлагает бремя лишений на низшие слои общества. По счету платят бедняки, и притом трижды: они чаще других оказываются среди тех, кто совершает преступления, чаще других становятся жертвами преступлений и чаще других попадают за решетку.

Книга вводит нас в курс новейших научных дискуссий в области уголовного права и практики его применения, которые ведутся в странах Западной Европы и в США, знакомит с результатами различных эмпирических исследований, многочисленными аргументами спорящих сторон, с проектами уголовно-правовых реформ.

А. М. Яковлев

В. М. Коган

¹ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М.: Прогресс, 1979.

² Бондесон У. Надзор за отбывающими наказание на свободе. М.: Юрид. лит., 1979.

³ Там Х. Преступность и уровень жизни. М.: Прогресс, 1982.